

Глава LIII.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В БРЕТАНИ. УБИЙСТВО МАРАТА

Подвергаясь со всех сторон нападению монархий, соединившихся против нее в самый разгар начатой ею перестройки своих учреждений, Франция переживала чрезвычайно трудное, опасное время. И только изучая это время во всех его подробностях, в мелочах обыденной жизни и прослеживая изо дня в день страдания, пережитые французским народом, можно понять всю преступность богатых, когда они ради сохранения своего привилегированного положения не задумались призвать себе на помощь иностранное нашествие и подвергнуть Францию всем ужасам гражданской войны.

И вот жирондистские главари, исключенные из Конвента 2 июня 1793 г., тоже не задумались отправиться в провинции и там раздувать огонь гражданской войны при поддержке роялистов и иностранного вторжения.

Изгнав из своей среды 31 жирондистского депутата, Конвент подверг их, как мы видели, только домашнему аресту, предоставляя им, впрочем, свободно ходить по Парижу в сопровождении жандарма. Верньо, Жансонне, Фонфред действительно остались в Париже, и Верньо пользовался своей свободой, чтобы время от времени адресовать Конвенту ядовитые послания. Остальные же бежали из Парижа с целью поднять департаменты против Конвента. Роялисты, очевидно, только этого и желали, и в скором времени восстания вспыхнули в 60 департаментах, причем жирондисты и самые крайние роялисты шли рука об руку.

В Бретани уже с 1791 г. готовился роялистский заговор, имевший цель восстановить штаты этой провинции и сословную администрацию. Тюфэн, маркиз де ла Руэри, был поставлен эмигрировавшими братьями короля во главе этого заговора. Но заговор стал известен Дантону, который поручил своему агенту, проникнувшему в центр заговора, следить за ним. Маркиз Руэри вынужден был скрываться, и в январе 1793 г. он умер в имении одного из своих друзей, где его и зарыли тайно в лесу. Тем не менее восстание, поддержанное англичанами, вспыхнуло. При помощи моряков-контрабандистов и эмигрантов, собравшихся одни на острове Джерси, а другие в Лондоне, английское правительство готовило серьезное восстание, которое должно было передать

англичанам военные порты Сен-Мало, Брест и Шербург, а, может быть, также и Нант — большой торговый порт — и Бордо, соперничавший с Лондоном по своей торговле.

Часть жирондистских депутатов, изгнанных из Конвента, а именно Петион, Гюаде, Бриссо, Барбару, Луве, Бюзю и Ланжюинэ направились в Нормандию и в Бретань, чтобы стать там во главе восстания. В Кане, главном городе Нормандии, они организовали Ассоциацию соединенных департаментов, имевшую целью поход на Париж. Арестовав депутатов, присланных Конвентом, они вообще старались разжечь умы против монтаньяров. Генерал Вимпфен, командовавший войсками республики в Нормандии и ставший на сторону заговорщиков, не скрывал от них ни своих роялистских мнений, ни своего намерения искать поддержки в Англии, и жирондистские главари не порвали с ним.

К счастью, масса народа в Нормандии и в Бретани не пошла за жирондистами, роялистами и духовенством. Города стали за революцию, и восстание, побежденное в Верноне, кончилось ничем*.

*Боевая песнь жирондистов называлась «Гражданский гимн бретонцев, идущих против анархии». Ее дал Гюаде в примечании к «Запискам Бюзю» (Buzot F. Memoires sur la Revolution francaise. Paris, 1828, p. 68—73, note). Вот один из ее куплетов:

С высоты трона, воздвигнутого его преступлениями,

Робеспьер, опьяненный кровью,

Указывает пальцем на свои жертвы

Ревущему анархисту.

«Эта «Марсельеза жирондистов» требовала смерти Дантона, парижского мэра Паша, Марата, и ее припев был:

Война и смерть тиранам,

Смерть апостолам избиения!

При этом сами они требовали, конечно, избиения революционеров и подготавливали его.

Поход горсти жирондистских главарей вдоль по глубоко врезанным и прикрытым густой зарослью дорогам Бретани, где они скрывались от всех, не смея показаться даже в самых маленьких городках, так как их арестовали бы республиканцы, — этот поход, описанный Луве, показывает, как мало сочувствия встретили здесь жирондисты. Даже в Бретани, где Конвент не сумел расположить в свою пользу крестьян и где рекрутский набор для далекой войны на Рейне был встречен враждебно, народ не пошел за ними. Когда генерал Вимпфен захотел идти на Париж, ему удалось собрать в Кане всего несколько десятков волонтеров*. Из всей Бретани собралось не более пяти- или шестисот человек, которые даже не сражались, когда встретились с ничтожной «армией», пришедшей из Парижа.

*Смотр, о котором говорила на суде Шарлотта Корде и на который будто бы собрались тысячи человек, был выдумка, вероятно, с целью запугать парижан.

Опасность была, однако, в том, что в некоторых портах, а именно в Сен-Мало и Бресте, роялисты находили поддержку у крупных торговцев, и патриотам пришлось напрячь все свои силы, чтобы помешать сдаче Сен-Мало англичанам, как это было сделано на юге Франции с Тулоном.

Нужно в самом деле прочесть письма молодого Жюльена, 19-летнего юноши, посланного Комитетом общественного спасения в Бретань как военный комиссар, или же письма Жанбона-Сент-Андре — одного из членов Конвента, посланного на театр войны, чтобы понять, как ничтожны были материальные силы республики и насколько зажиточные классы готовы были поддерживать иностранное вторжение. Все было приготовлено в Сен-Мало, чтобы сдать англичанам эту крепость, вооруженную 123 пушками и 25 мортирами, прекрасно снабженную снарядами и порохом. Только благодаря энергии членов Конвента, прибывших в Бретань и сумевших вдохновить патриотов, бедноте удалось предотвратить это ужасное предательство.

Присланные сюда комиссары Конвента не стали обращаться к местной администрации. Они знали, что она заражена роялизмом и «торгашеством» («негоциантизмом», как тогда говорили). Они шли прямо в общество патриотов, или в народное общество каждого города или городка и предлагали обществу прежде всего «очиститься». Каждый член общества должен был объявить громогласно перед всеми другими членами, кем он был раньше 1789 г. и что он делал с тех пор; не подписывал ли он роялистские прошения «восемью тысяч» и «двадцати тысяч», какое было его состояние до 1789 г. и что представляет оно теперь; те, которые не могли дать удовлетворительного ответа на эти вопросы, исключались из общества.

Когда «очищение» было совершено, общество патриотов становилось исполнительным органом Конвента. При его помощи комиссар Конвента приступал к такому же очищению муниципалитета и заставлял исключить из него роялистских членов и «наживателей» (*profiteurs*, т. е. людей, разжившихся за время революции). Тогда, опираясь на патриотическое или народное общество, он будил энтузиазм населения, особенно бедноты, санкюлотов. Сообща они организовывали вербовку волонтеров, и комиссарам Конвента нередко удавалось побудить патриотов к истинно героическим усилиям, чтобы организовать вооружение и защиту берегов. Они устраивали также патриотические празднества и вводили республиканский календарь. И когда комиссар уезжал, чтобы ту же работу произвести в других местах, он предоставлял обновленному муниципалитету заботу обо всех мерах заготовления припасов, снарядов, перевозки войск и т. д. всегда под надзором местного народного общества и поддерживал регулярную переписку с этим обществом.

Нередко война требовала самых тяжелых усилий и жертв. Но в каждом городе, даже в портовых городах Кемпере и Сен-Мало, члены Конвента находили людей, преданных революции. С их помощью они организовывали военную защиту. Эмигранты и английские военные корабли не посмели подойти к Сен-Мало или Бресту.

Таким образом, восстание не удалось в Нормандии и Бретани. Но из Кана явилась Шарлотта Корде, чтобы убить Марата. Под влиянием всего того, что говорилось вокруг нее против республики монтаньяров и санкюлотов, а также, может быть, обманутая внешностью «порядочных» республиканцев, которую принимали жирондисты, прибывшие в Кан, где она познакомилась с Барбару, Шарлотта Корде приехала 11 июля в Париж с целью убить кого-нибудь из главных революционеров.

Историки-жирондисты, все ненавидевшие Марата как главного виновника движения 31 мая, утверждали, что Шарлотта Корде была республиканка. Это совершенно неверно. Госпожа Мария-Шарлотта Корде д'Армон была барышня из архироялистской семьи.

Два ее брата были эмигранты; сама же она, воспитанная в одном из канских монастырей, Аббе-о-Дам, жила у родственницы госпожи де Бретвиль, «которая только из страха не называла себя роялисткой». Все воображаемое «республиканство» госпожи Корде д'Армон состояло в том, что она однажды отказалась пить за здоровье короля и объяснила свой отказ тем, что она была бы республиканка, «если бы французы заслуживали быть в республике». Другими словами, она была монархистка-конституционалистка, по всей вероятности фельянка. Вимпфен даже утверждал, что она была вполне роялистка.

По всему судя, Шарлотта Корде д'Армон действовала вовсе не в одиночку. Кан, как мы сейчас видели, был центром Ассоциации соединенных департаментов, собиравшихся восстать против монтаньярского Конвента; и все заставляет думать, что на 14 или 15 июля этой ассоциацией подготовлялось движение в Париже. В этот день предполагалось убить «Дантона, Робеспьера, Марата и компанию», и Шарлотта Корде это знала. Визит, который она сделала тотчас по прибытии в Париж жирондисту Дюперру, которому она передала печатные вещи и письмо, присланные ему из Кана от Барбару, а равно и совет, который она ему дала: не мешкая, сейчас же вернуться в Кан, — представляют Шарлотту Корде как одно из орудий заговора, составленного в Кане жирондистами и роялистами*.

*Что такой заговор существовал и что жирондисты знали о нем, представляется доказанным. Так, 10 июля в Совете Парижской коммуны читали письмо, полученное в Страсбурге и пересланное оттуда головой этого города. В нем были следующие строки: «... Гора, Коммуна, вся Якобинка и все их подлое исчадие накануне гибели... Не дальше 15 июля мы попляшем! Я желал бы, чтобы только и было пролито крови что Дантона, Робеспьера, Марата и компании...» (Цит. по: Blanc L. Histoire de la Revolution francaise, v. 1—3. Paris, 1869, v. 2) 11 и 12 июля жирондистская газета «Chronique de Paris» уже намекала на смерть Марата.

План госпожи Шарлотты Корде, по ее показаниям, был убить Марата на Марсовом поле во время праздника революции 14 июля или же в Конvente, если он не придет на праздник. Но праздник был отложен, и Марат по болезни не ходил в Конвент. Тогда Корде написала ему письмо, прося ее принять. Не получив ответа, она написала вторую записку, иезуитски играя в этот раз на чувстве доброты Марата, которое было ей известно или о котором ей сказали ее друзья. Она писала в этой записке, что она несчастна и что ее преследуют, в полной уверенности, что с такой рекомендацией Марат непременно примет ее.

С этой запиской в руках и с ножом, запрятанным в складках платка, которым повязаны были ее шея и грудь. Корде явилась 13 июля в семь часов вечера к Марату. Его жена, Катрин Эввар, поколебалась с минуту, но в конце концов впустила барышню в бедное жилище Друга народа.

Марата за последние два или три месяца после жизни травленого волка, которую он вел непрерывно с 1789 г., жестоко мучила лихорадка, и он сидел в крытой горячей ванне, правя корректуры своей газеты «Друг народа» на доске, положенной поперек ванны. Тут и ударила его Шарлотта Корде прямо в открытую грудь. Он умер через несколько минут.

Три дня спустя в Лионе жирондисты гильотинировали другого друга народа — Шалье.

В Марате французский народ терял своего самого преданного друга. Жирондистские историки, ненавидя Марата, представляли его как кровожадного помешанного, который сам не знал, чего хотел. Но мы знаем теперь, как составляются подобные репутации. В самые темные времена революции, в 1790 и 1791 г., когда Марат видел, что народ со всем своим героизмом не может справиться с деспотизмом, он действительно писал, что следовало бы отрубить несколько тысяч голов аристократов, чтобы дело революции пошло на лад. Но в сущности он вовсе не был кровожаден. Он только любил народ — он и его героическая подруга Катрин Эввар — гораздо глубже, чем кто-либо из людей, одновременно с ним выдвинутых революцией, и он страдал при виде страданий народа, не ведущих к цели. Этой любви он остался верен до смерти*.

*«Божественная женщина, — говорила о Катрин Эввар сестра Марата Альбертина. — Тронутая его положением, когда он скрывался, переходя из одного подвала в другой, она приняла к себе Друга народа и скрыла его у себя, отдав на общее дело все свое состояние и свое спокойствие». Эти слова сестры Марата приводит Мишле.

Как только началась революция, Марат засел на хлеб и воду, не в переносном, а в действительном смысле слова. И когда его убили, все его достояние состояло из одной ассигнации в 25 ливров.

Марат был старше большинства своих товарищей по революции и опытнее их, и он понимал различные фазисы революции и предвидел следующие гораздо вернее, чем кто-либо из видных людей того времени. Он был единственный, можно сказать, из главных деятелей революции, который верно схватывал смысл событий в их существенных чертах и в их бесчисленных соотношениях*. Что он иногда чванился этим качеством своего ума и своим предвидением, объясняется отчасти преследованиями, которые пришлось ему выдержать даже в самый разгар революции, тогда как каждый новый оборот, принимаемый ею, подтверждал его предсказания. Но это не важно. Отличительной чертой его ума было то, что он понимал, что необходимо было в каждый данный момент, чтобы дать победу народному делу для торжества народной революции, а не какой-нибудь отвлеченной, теоретической революции.

*Приятно отметить, что изучение писаний Марата, которым пренебрегали до сего времени, привело Жореса к тому, что он с почтением отнесся к этому свойству ума народного

трибуна.

Однако же надо сказать, что когда революции предстояло после действительной отмены феодальных прав сделать еще шаг вперед, чтобы упрочить свое дело; когда предстояло позаботиться о том, чтобы революция пошла на пользу самым бедным слоям населения, обеспечивая жизнь и труд всем, Марат недостаточно оценил верность взглядов Жака Ру, Варле, Шалье, Ланжа и других коммунистов. Не сумев сам разработать план того глубокого коммунистического переворота, которого истинные формы еще только искали первые провозвестники коммунизма; боясь, с другой стороны, как бы Франция не утратила отвоєванных уже свобод, он не дал коммунистам необходимой поддержки своего ума и энергии и своего громадного влияния. Он не сделался выразителем зарождавшегося коммунизма.

«Если бы мой брат был жив, — говорила сестра Марата, — никогда бы не гильотинировали Дантона и Камилла Демулена». Не гильотинировали бы, скажем мы, и эбертистов. Вообще если Марат понимал временное озлобление народа в известные минуты и даже считал его необходимым, он, безусловно, не был сторонником террора, как его практиковали якобинцы после сентября 1793 г.